

05 (эк. уч. арх. ком.)
Лет

Лѣтопись ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ

Ученой Архивной Коммисіи.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Часть I.

ИЗДАЕТСЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ТОВАРИЩА ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КОММИССИИ
А. СИНЯВСКАГО.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Типографія С. И. Барановскаго.

1905.

Политико-экономическіе взгляды Юрія Крижанича
въ связи съ состояніемъ Московскаго государства
во второй половинѣ XVII вѣка.

Юрію Крижаничу не посчастливилось въ русской исторической литературѣ. До послѣдняго времени научная мысль проходила мимо сочиненій нашего автора и только отчасти стремилась разобратся въ его идеяхъ и его психологіи.

Между тѣмъ, его сочиненія, отличающіяся обиліемъ матеріала своеобразностью взглядовъ и сужденій, должны стать объектомъ научнаго изученія, и только при детальномъ изученіи его идей можно оцѣнить всѣ достоинства его трудовъ, весь его умъ, всю его эрудицію, поразительную для XVII вѣка. Попытки соціологическихъ построеній, историко-философскіе вопросы, затронутые авторомъ, теоретическія сужденія о наукѣ государственнаго права, экономическіе и финансовыя взгляды—все это является мало изученнымъ и ищетъ своего изслѣдователя.

Правда, нѣкоторые ученые касались вышеприведенныхъ вопросовъ, но довольно поверхностно, такъ что отнюдь это нельзя считать окончательной научной разработкой вопроса.

Въ предлагаемомъ вашему вниманію рефератѣ я и дѣлаю попытку разобратся въ политико-экономическихъ взглядахъ Юрія Крижанича и выяснить сущность его экономической теоріи, во многихъ отношеніяхъ далеко не безинтересной.

Помимо своей спеціальной цѣли этотъ вопросъ интересенъ и въ приложеніи къ жизни Московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка.

Мы увидимъ, какъ смотрѣлъ ученый авторъ на внутреннее состояніе Московской Руси и какіе приемы и средства были необходимы по его мнѣнію для того, чтобы Московское государство стало на иной путь и зажило полною жизнью.

Въ своей политикѣ Юрій Крижаничъ вездѣ подчеркиваетъ, что реформы въ Московскомъ государствѣ должны касаться всѣхъ сторонъ его жизни, но едва ли не прежде всего слѣдуетъ измѣнить экономическую политику правительства.

По мнѣнію автора она не выдерживаетъ никакой критики, а между тѣмъ отъ экономической политики зависитъ процвѣтаніе и благосостояніе государства и народа.

Экономическимъ отношеніямъ въ жизни всякаго народа Юрій Крижаничъ отводитъ едва ли не первое мѣсто.

Свои экономическіе взгляды Юрій Крижаничъ высказалъ въ третьей главѣ перваго тома своей „политики“, давъ этой главѣ общее наименованіе „о благи“. Эта же глава познакомитъ насъ также съ состояніемъ ремеселъ, торговли, горнодѣлія и земледѣлія въ Московскомъ государствѣ, что является результатомъ изученія и наблюденія автора надъ современной ему русской дѣйствительностью.

Бросая общій взглядъ на состояніе Московскаго государства и разбирая его экономическую и финансовую политику, авторъ приходитъ къ мало утѣшительному выводу, что приемы и средства, которыми руководится Московское правительство въ своей экономической политикѣ, основаны на разореніи народа, а потому не выдерживаютъ никакой критики и требуютъ радикальной реформы.

„Богатство государства, думаетъ авторъ, должно основываться на благосостояніи всѣхъ его подданныхъ. Нельзя считать богатымъ то государство, казна котораго полна, а

народъ бѣденъ и голодаетъ. Въ Московскомъ же государствѣ въ ходъ пускаются именно такіе приемы и средства, которые ведутъ за собою обнищаніе народа.

Къ этимъ средствамъ Крижаничъ относитъ поддѣлку металловъ, монополію, кабачество, неумѣренно высокія пошлины на товары, а также развитіе иностранной торговли, отъ которой русскіе получаютъ только одни убытки, а иностранцы извлекаютъ огромные доходы.

„О истинный царю“, восклицаетъ съ пафосомъ авторъ, „ни отнюдь не вѣруй волку, еже быти онъ хотѣлъ твоя агнды створити жирны. И во вѣки вѣковъ не вѣруй и народнику торговцу, еже быти онъ кую корысть принеслъ. И народникъ торговецъ, еще тебѣ государю, либо твоимъ бояромъ, дастъ сребренъ стакашъ или кую либо корысть; безъ сумлѣнію сто кратъ съ толико блага извержетъ вонъ изъ твоея земли и проѣстъ“ (Политика, I, 1—6).

Отсутствіе правильныхъ способовъ обработки земли, довольно низкая сельскохозяйственная техника слабое развитіе внутренней и внѣшней торговли, незначительная промышленность, фабричная и горнозаводская, не могутъ способствовать усиленію производительности страны и улучшенію благосостоянія народа. Все это нуждается въ немедленномъ измѣненіи.

По мнѣнію автора, основой народнаго хозяйства служить равномерное и цѣлесообразное развитіе четырехъ факторовъ: земледѣлія, торговли, фабричной и горно-заводской промышленности. При этомъ правительство должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы ни одинъ факторъ не развивался въ ущербъ другому.

Между этими факторами должно быть правильное взаимодѣйствіе, и на эту сторону народнаго хозяйства правительство должно обратить особенное вниманіе.

Крижаничъ -- большой сторонникъ принципа вмѣшательства въ экономическую дѣятельность населенія.

Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ отчетность теоретическихъ экономическихъ положеній нѣсколько видоизмѣняется: онъ считаетъ основой народнаго хозяйства земледѣліе, что особенно вѣрно по отношенію къ Московскому государству „Тежачество“, говоритъ авторъ, есть всему богатству основаніе и корень; тежакъ бо кормить и богатыхъ и себе, и ремесленника, и торговца, и боярина, и кроля (I, 42). Остальные же факторы являются только своего рода придатками къ основному.

Авторъ думаетъ, что интенсивное развитіе земледѣлія и повышеніе сельскохозяйственной техники должны повлечь за собою развитіе остальныхъ трехъ факторовъ, составляющихъ основу народнаго богатства.

Такова сущность теоретическихъ экономическихъ взглядовъ автора.

Раземотримъ теперь, какъ практически авторъ думаетъ увеличить интенсивность и производительность земледѣльческаго труда во всякой странѣ, въ частности въ Московскомъ государствѣ.

Прежде всего Юрій Крижаничъ рисуется въ высшей степени печальную картину состоянія земледѣлія въ Московскомъ государствѣ что, по его мнѣнію, объясняется цѣлымъ рядомъ психологическихъ причинъ, свойственныхъ вообще славянамъ. *„Нашего народа люди е суть косного разума и неудобно сами что выдумываютъ, аще имъ ся не покажетъ“* (I, 42).

Далѣе, замѣчается полное отсутствіе книгъ о земледѣліи, что также задерживаетъ развитіе земледѣлія.

Наконецъ, лѣнь русскаго народа тоже вліяетъ отрицательно на состояніе земледѣлія въ странѣ.

Впрочемъ, по мыслямъ Крижанича, все это поправимо, такъ какъ у русскихъ самодержавный образъ правленія „и повелѣніемъ Царскимъ можетъ ся по всей землѣ всякая поправка учинить, гдѣ ино будетъ полезно и потребно въ обычай завести“ (I, 42).

Г. Маркевичъ въ своей книгѣ о Юріи Крижаничѣ пишетъ, что по мнѣнію автора, самодержавіе также мѣшаетъ развитію земледѣлія. Это мнѣніе основано на непониманіи текста сочиненій и идетъ въ разрѣзъ съ духомъ его сочиненій (Вар. Унив., изд. въ 1876 г.).

Что же должна дѣлать самодержавная власть въ этомъ случаѣ?

Прежде всего должны быть переведены книги о земледѣліи на русскій языкъ.

На западѣ такихъ книгъ очень много, а русскому земледѣльцу слѣдуетъ познакомиться, думаетъ авторъ, со всѣмъ тѣмъ, что касается земледѣлія. Въ государствѣ много землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, но мало лицъ, хорошо знакомыхъ со всѣмъ тѣмъ, что касается земледѣлія и его особенностей. Кромѣ перевода специальныхъ книгъ на русскій языкъ, по мнѣнію автора, необходимо производство почвеннаго анализа въ различныхъ мѣстностяхъ страны.

Результаты слѣдуетъ сообщить земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ, „и да ся учинить тежакомъ и жителемъ заповѣдь, да бѣху со всякую марливостью на таковыхъ вещей тежаніе и умноженіе настояли и да бѣху много могли продать“ (I, 44).

Для усиленія производительности земли необходимо ее удабривать искусственными способами, главнымъ образомъ навозомъ, въ виду обилія лѣсовъ въ Россіи. Правительство должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ не было

никакихъ злоупотребленій и, въ особенности, чтобы отъ этого не пострадало туземное пчеловодство.

Принимая во вниманіе качество почвы въ Московскомъ государствѣ, авторъ настаиваетъ на необходимости разведенія цѣлаго ряда полезныхъ растений, которыя, по его мнѣнію, могутъ расти въ Московіи: виноградъ около Астрахани и табакъ, а также разведеніемъ шелковичныхъ червей около Астрахани, гдѣ могутъ расти „*Мурцова дерева*“. Рекомендуются также усиленное занятіе скотоводствомъ, а для поощренія населенія правительство обязано освободить его отъ цѣлаго ряда налоговъ, и только по прошествіи льготнаго срока, взимать по старому.

Устройство всякихъ мельницъ и сельскохозяйственныхъ заводовъ также, думаетъ Крижаничъ, подниметъ благосостояніе страны.

Далѣе, авторъ довольно подробно разсуждаетъ о необходимости введенія въ употребленіе и распространенія всякаго рода сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, всякаго рода снарядовъ и приборовъ.

Пора поднять сельскохозяйственную технику. Касаясь машинъ и орудій, авторъ входитъ часто въ самыя мелкія детали. Даже сельскохозяйственной архитектурѣ Юрій Крижаничъ посвятилъ любопытныя замѣчанія.

Говоря далѣе о земледѣліи, авторъ настаиваетъ на замѣнѣ серповъ косами, стараго типа крестьянской телѣги—новымъ, топоровъ—пилами при разрѣзываніи досокъ. Словомъ касается даже незначительныхъ мелочей деревенскаго обихода. Все это отжило свой вѣкъ и несоотвѣтствуетъ болѣе интенсивному веденію сельскаго хозяйства.

Конечно во всѣхъ нововведеніяхъ правительство занимаетъ первое мѣсто и регулируетъ теченіе экономической жизни страны.

Приведеніе всѣхъ этихъ плановъ въ исполненіе подниметь производительность страны, и, такимъ образомъ, можетъ исчезнуть экономическое банкротство Московскаго государства.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію организаціи торговли, другого весьма важнаго фактора въ экономической жизни страны. Направленіе торговли во всякой странѣ не произвольно, а объясняется географическимъ положеніемъ страны и историческою жизнью государства. Задача правителя уловить это направленіе; только тогда торговля принесетъ доходы государству, а не одни только убытки. Развитие торговли, разумно поставленной, можетъ служить, по мысли автора, мѣриломъ государственнаго богатства, которое Крижаничъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «государство тогда богато, когда въ немъ развито матеріальное богатство, жизнь не дорога и законы хорошіе». Если же въ государствѣ милитаризмъ занимаетъ первенствующее мѣсто, то такое государство отнюдь богатымъ считать нельзя.

Географическое положеніе страны не благоприятствуетъ развитію торговли. Московія со всѣхъ сторонъ заперта, а на востокъ и югъ ее окружаютъ дикіе народы, съ которыми немисливо установить правильныя торговыя сношенія. Въ Московіи существуетъ только три мѣста вполне безопасныхъ для торговли: Псковъ, Новгородъ и Архангельскъ. Помимо отсутствія удобныхъ для торговли пунктовъ, Московское государство бѣдно естественными произведеніями, которыя можно было вывозить на внѣшній рынокъ. Прощѣтанію торговли мѣшаютъ также особенности характера славянскаго племени; его непредпріимчивость и отсутствіе даже элементарнаго образованія, въ силу чего другіе народы постоянно обманываютъ славянъ. Отсутствіе хорошихъ дорогъ и безопасности въ странѣ также тормазъ въ развитіи внутренней и внѣшней торговли.

Далѣе, Крижаничъ разбираетъ вопросъ, какъ организовать торговлю, чтобы она приносила не убытки, а прибыль.

Прежде всего Крижаничъ настаиваетъ на необходимости сосредоточить всю торговлю въ рукахъ государя. Противникъ монополіи на этотъ разъ выступилъ ея защитникомъ, «господарь Царь, все торговство кое ся дѣеть съ иными народами приметъ на свое имя и руку и въ грядущія времена да се обдержитъ. Тѣмъ бо единымъ способомъ будетъ ся могла знать смѣта товаромъ: да ся не извезетъ премного товаровъ нашихъ, въ коихъ вѣтъ избытка, а гужи непотребны да не привозятъ. А иноземнымъ торговцамъ не будетъ здѣсь чего дѣлать (I, 9). Итакъ, монополія торговли, устанавливая торговый балансъ, будетъ содѣйствовать болѣе интенсивному ея состоянію, но эта монополія соединяется съ покровительственной системой, вѣрнѣе сказать, запретительной по отношенію къ товарамъ, привозъ коихъ нежелателенъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Съ другой стороны, запрещеніе будетъ касаться тѣхъ предметовъ, вывозъ которыхъ, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, недопустимъ. Хъ числу обязанностей царя, какъ руководителя вѣшной и внутренней торговли принадлежитъ выборъ торговыхъ пунктовъ. Крижаничъ осмѣливается ихъ рекомендовать. Всѣ торговые пункты должны быть устроены на востокѣ и юго-востокѣ: на Дону для торговли съ турками, на Иртышѣ для торговли съ калмыками, въ Путивлѣ для Украйны. Наконецъ, надо пытаться завести торговля сношенія съ Персіей и Индіей. Авторъ особенно подчеркиваетъ, что рынки для Россіи—на востокѣ, а не на западѣ; да географическое положеніе Россіи тоже этому способствуетъ. Московское государство станетъ твердой ногой на востокѣ и послѣдній, въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ будетъ зависѣть отъ Московіи. Впрочемъ авторъ признаетъ; что соль, овечьи и бычачьи кожи и другіе пред-

меты вывоза могут и на западѣ находить спросъ и потребленіе, такъ что они и конкуренцію выдержатъ; а въ свою очередь, мы покупали бы на западѣ шерсть и другіе товары (I, 15—16). Кромѣ того, она станетъ посредницей между востокомъ и западомъ.

Авторъ сѣтуетъ на недалковидность Московскихъ политиковъ, стремящихся во чтобы то ни стало на западъ, гдѣ мѣстные предметы вывоза не могутъ выдержать никакой конкуренціи. Далѣе, авторъ совѣтуетъ не давать никакихъ свидѣтельствъ на торговлю если обнаружится незнакомство съ элементарными правилами ариѳметики. Не безинтересны правила, которыхъ слѣдуетъ держаться при веденіи торговыхъ оборотовъ: покупать возможно дешевле, а продавать дороже. Нѣмецкіе товары, купленные за дорогую цѣну, могутъ быть проданы грекамъ и туркамъ за еще болѣе дорогую цѣну, и въ результатѣ получится прибыль. Таковы средства, предлагаемая авторомъ для развитія вѣшной торговли.

Что же касается внутренней торговли, то она основана на покровительственной системѣ. Для ея развитія правительство должно позаботиться объ открытіи хорошихъ морскихъ пристаней, ярмарокъ, всякаго рода торжища, если скопленіе народа не вызоветъ какихъ бы то ни было безпорядковъ, заботиться о безопасности внутри страны улучшить существующіе пути сообщенія, устройство почты для всѣхъ лицъ, а не только государства, ввести единство мѣръ вѣса и монеты, при чемъ для надзора за продавцами правительство назначаетъ особыхъ чиновниковъ, которые и обязаны приходить на помощь покупателямъ, когда послѣдніе требуютъ ихъ помощи. Царскій же комассаръ смотритъ за тѣмъ, чтобы купцы произвольно не подымали цѣнъ на товары; въ его рукахъ находится также оптовая торговля. Любопытно отмѣтить, что, говоря о торговлѣ, авторъ въ

высшей степени относится неодобительно къ организации монополіи, которую онъ настоятельно рекомендуетъ.

Монополія—есть зло, и ее тогда только возможно держать, когда государство въ экономическомъ отношеніи совершенно разорено.

Въ противномъ случаѣ, монополіи какъ и всякаго рода откупа, должны подвергнуться немедленному уничтоженію. Откупная система только тогда возможна, когда откупщики обязуются продавать дешевле, чѣмъ другіе торговцы (I, 22 — 23). Такому жеостракизму подвергаются и иностранные купцы, теряющіе право имѣть свои лавки, склады и проч.

Для развитія торговли слѣдуетъ пооткрывать въ разныхъ мѣстностяхъ *ипатечный безпроцентный кредитъ*. Крижаничъ особенно настаиваетъ на организации такой общественной кассы, которая дастъ возможность очень многимъ купцамъ, временно находящимся въ стѣснительномъ экономическомъ положеніи, выйти изъ него и стать на свои ноги. Въ противномъ случаѣ имъ предстоитъ разореніе или брать займы деньги у ростовщиковъ. Увеличеніе количества народонаселенія также способствуетъ развитію торговли въ странѣ, при чемъ настаиваетъ на освобожденіи посадскихъ и промышленныхъ людей отъ вліянія служилыхъ, предоставить имъ нѣкоторое самоуправленіе и право обращаться съ своими жалобами непосредственно къ Государю, минуя инстанціи всякаго рода. Все это подниметъ торговый классъ, въ общемъ довольно приниженный.

Послѣ высказанныхъ мнѣній о торговлѣ, Крижаничъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о ремеслахъ и промышленности, и нѣкоторые изъ его взглядовъ будутъ здѣсь выражены наиболѣе отчетливо. Авторъ констатируетъ слабость туземной промышленности и, говоря о необходимости ее поднятія, предлагаетъ цѣлый рядъ средствъ.

Конечно, правительству въ развитіи промышленности отводится первое мѣсто: правительство прежде всего сдѣлаетъ распоряженіе о переводѣ книгъ о ремеслахъ на русскій языкъ.

На западѣ такихъ книгъ очень много, и онѣ могутъ быть полезны русскимъ ремесленникамъ. Во вторыхъ, разрѣшить входъ иностраннымъ ремесленникамъ съ обеспеченіемъ имъ возврата на родину, такъ какъ до сихъ поръ правительство не отпускало иностранцевъ на родину, а тѣ, въ свою очередь, не хотѣли ѣхать въ далекую Московію. Рекомендуются также приобрѣтеніе образцовъ иностранныхъ издѣлій.

Предоставленіе всякаго рода привилегій фабрикатамъ, открытіе правительствомъ фабрикъ и заводовъ, всякаго рода монополіи на право производства какого нибудь фабриката какимъ нибудь городомъ или областью если въ его производствѣ замѣтны особенные успѣхи.

Все это соединяется съ самымъ широкимъ протекціонизмомъ, который отчасти сближаетъ автора съ меркантилистміа. Высокія таможенныя пошлины для государства являются необходимыми, въ противномъ случаѣ, иностранные товары побьютъ на рынкѣ туземные, и зарождающаяся промышленность погибнетъ. „У нѣмцевъ“, говоритъ авторъ, „заводы уже съ давнихъ временъ устроены, и потому всякаго рода товары они могутъ продавать по болѣ дешевой цѣнѣ, чѣмъ русскіе, у которыхъ только что начинается развиваться промышленная дѣятельность. Поэтому иностранные товары будутъ покупаться предпочтительнѣе русскихъ“. Въмѣстѣ съ вызовомъ мастеровъ авторъ настаиваетъ на введеніи въ Московію условій организаціи, подобно существующей на западѣ.

Для того, чтобы поощрять въ странѣ домашнее производство и мелкія ремесла, авторъ совѣтуетъ правительству освобождать отъ крѣпости тѣхъ изъ крестьянъ, которые особенно хорошо знакомы съ какимъ либо ремесломъ, при чемъ

всѣ такіе ремесленники работаютъ не для рынка, а на правительство, которое у нихъ покупаетъ и затѣмъ продаетъ другимъ купцамъ. Такимъ образомъ, ремесленники находятся въ зависимости не отъ покупателя, а правительства. Кроме того слѣдуетъ заставить всѣхъ лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ обязанностей, выучить какое либо ремесло, тѣмъ болѣе, что въ М. государствѣ бродяжничество, лѣнь, попрошайничество—въ большомъ ходу. Не мѣшаетъ также, думать авторъ, запретить вывозъ сырыхъ продуктовъ за границу, а только въ обработанномъ видѣ. Авторъ забылъ, что молодая промышленность не найдетъ себѣ сбыта на рынкѣ.

Что же можетъ обрабатываться и приготовляться на фабрикахъ? Такихъ предметовъ Крижаничъ насчитываетъ не мало: бумагу, всякаго рода шерстяныя ткани, выдѣлка кожъ, шлифовку камня, обработку дерева, приготовленіе хозяйственныхъ земледѣльческихъ и военныхъ предметовъ. Особенно надо стремиться къ развитію златошвейнаго искусства, предметы производства котораго найдутъ большой сбытъ на востокѣ, гдѣ особенно цѣнятся издѣлія такого рода, другими словами, авторъ настаиваетъ на развитіи кустарнаго производства. Въ цѣляхъ развитія промышленности, Крижаничъ допускаетъ даже вмѣшательство правительства въ семейную жизнь, если это можетъ принести пользу государству. Авторъ предлагаетъ, чтобы дочери бояръ учились рукодѣлію въ особо устроенныхъ школахъ, получали свидѣтельство объ окончаніи школы, и только тогда получали право выходить замужъ. Незнакомыя съ рукодѣліемъ обрекались на вѣчное дѣвство.

Но и четвертый факторъ—горнозаводская промышленность составляетъ важный факторъ въ развитіи народнаго и государственнаго богатства. Правительство должно обратить вниманіе на это и содѣйствовать всячески ея развитію, такъ какъ высокое ея состояніе очень выгодно для государства,

увеличиваетъ его экономическую состоятельность. Крижаничъ, слѣдую своему методу, сначала указываетъ на состояніе вышеуказанной промышленности въ Московскомъ государствѣ, а потомъ предлагаетъ рядъ мѣръ, могущихъ поднять ее. Правительство должно взять на себя инициативу отысканія всякаго рода рудъ, но также предоставить это и частнымъ лицамъ, но авторъ твердо стоитъ на томъ, чтобы иностранцы не принимали никакого участія и чтобы иностранные капиталы не помѣщались въ чисто русское дѣло. Такимъ образомъ, правильно поставленная горнозаводская промышленность будетъ очень выгодна государству.

Другой путь получения металловъ это „*торговый промыселъ*“. Иностранцамъ только тогда допускается свободный приѣздъ въ государство, когда они въ числѣ другихъ товаровъ непременно привезутъ нѣкоторую часть руды каковыя нибудь: серебра, мѣди, олова, свинца, добраго желѣза, и да безъ руднаго товара не будетъ имъ слободно приходить, жить, торговать (I, 63). Авторъ нѣсколько увлекся и забылъ дать себѣ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ, кто же тогда будетъ покупать мѣстное производство, если иностранцамъ въѣздъ въ Россію запрещенъ. Въдъ примѣненіе подобной мѣры равносильно прекращенію всякой виѣшней торговли, что можетъ отразиться неблагопріятно на экономическомъ благосостояніи народа и государства. Заслуживаетъ особеннаго вниманія что въ Россіи должно быть не мало каменнаго угля.

Такова въ общихъ чертахъ сущность экономическихъ взглядовъ Юрія Крижанича, явившихся результатомъ теоретическаго знакомства съ политико-экономическими науками и практическаго изученія русской дѣйствительности и экономическихъ ресурсовъ тогдашняго государства.

Настоящіе взгляды Юрія Крижанича не есть только одна теорія или чистая практика. Они вырабатывались, фор-

мировались подъ вліяніемъ условій и причинъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ теоріей, ни съ практикой. Приходится считаться съ психологическими импульсами поступковъ автора, цѣлью его приѣзда въ Москву, и только тогда эти взгляды могутъ получить правильное освѣщеніе.

Мысль автора была несвободна, чѣмъ и объясняется противорѣчіе цѣлаго ряда его выводовъ. Автору приходилось рѣшить диллему, какимъ путемъ рѣшать ту научную проблему, какую онъ себѣ поставилъ путемъ-ли чисто научнымъ, объективно-спокойнымъ, или эту научную проблему сдѣлать орудіемъ для иныхъ цѣлей, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ? Научно-образованный умъ, конечно, отвергъ второй способъ рѣшенія вопроса, но съ другой стороны, цѣль поѣздки въ Москву настоятельно толкала мысль въ эту сторону, и умъ автора начиналъ работать въ томъ же направленіи. Поэтому, оставался, повидимому на почвѣ научнаго безпристрастія, слѣдуя за выходами современной ему экономической теоріи и собственными взглядами, Крижаничъ не всегда оставался научно-объективнымъ и не всегда имѣлъ въ виду только одну истину. Московофильство, которое для автора являлось необходимымъ въ виду цѣлей его поѣздки въ Москву, часто становилось на мѣсто исканія истины.

Автору приходилось быть постоянно на сторожѣ и думать, какъ бы какое нибудь неосторожное слово не оскорбило кого-нибудь и не испортило бы дѣла.

Задача Кр-у предстояла не легкая, но его ловкій изворотливый умъ вышелъ съ честью изъ этого испытанія; только постороннія цѣли, замѣшанные въ работу, не дали возможности ему ясно и полно высказать свою экономическую теорію.

Таковъ уголь зрѣнія, котораго, по нашему мнѣнію, надо держаться при анализѣ его экономическихъ взглядовъ.

Въ началѣ своихъ, можно сказать, экономическихъ бесѣдъ авторъ заявилъ, что сущность экономической политики любой страны заключается въ равномѣрномъ развитіи четырехъ факторовъ, находящихся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. Немного ниже онъ отдаетъ предпочтеніе „земледѣлію“ и ставитъ его основой народнаго хозяйства. Создается противорѣчіе, которое на мой взглядъ можно только такъ объяснить: въ первомъ случаѣ—это его теоретическія воззрѣнія, во второмъ—результатъ практическаго изученія и наблюденія надъ русской дѣйствительностью. Авторъ увидѣлъ огромное количество необработанной земли, которое, при рациональной постановкѣ, можетъ дать огромные доходы, и измѣнилъ нѣсколько свои взгляды. Только этимъ и можно разъяснить противорѣчіе. Но, какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, правительство задаетъ тонъ экономической жизни страны и руководитъ работой населенія. Крижаничъ—сторонникъ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь страны. Въ этомъ смыслѣ онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ вѣкомъ, идя за выводами меркантилистовъ. Съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, онъ не раздѣляетъ многихъ теоретическихъ положеній тогдашней экономической теоріи, что не даетъ права считать его однимъ изъ послѣдователей меркантильной системы. Чистый меркантилистъ иначе бы выразилъ сущность народнаго богатства... Если бы Крижаничъ писалъ только одну научную книгу, то мы бы въ его лицѣ имѣли бы экономиста, опередившаго жизнь и теорію, выдвинутую ею. Pamфлетъ не далъ возможности сказать того, о чемъ, надо полагать, думалъ авторъ. Какъ могъ отвергать вмѣшательство правительства въ народную жизнь, когда авторъ хотѣлъ угодить правительству той страны, гдѣ абсолютизмъ граничилъ съ деспотизмомъ, что даже было замѣчено авторомъ, вообще довольно осторожнымъ на слова? Отрицая вмѣша-

тельство правительства, полную его опеку, авторъ рисковалъ разгнѣвать то правительство, которое доставляло ему столько мученій и несбыточныхъ надеждъ? Это и помѣшало автору подняться надъ жизнью и самостоятельно сказать новое слово. Если бы его рѣчь не была связана посторонними мотивами, то, вѣроятно, онъ бы сказалъ то, что и Адамъ Смитъ. На это существуютъ кое-какія данныя въ его сочиненіяхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не меркантилистъ въ чистомъ видѣ, хотя, быть можетъ, принципъ вмѣшательства, регламентаціи позаимствовалъ отъ нихъ.

Крижанича отъ меркантилистовъ отличаютъ его взгляды на задачи экономической политики и его мнѣніе о значеніи земледѣлія для Московіи. Дальнѣйшій анализъ подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе. Крижаничъ довольно ѣдко критикуетъ основное положеніе меркантилистовъ, будто богатство государства измѣряется количествомъ денежныхъ знаковъ, имѣющихся въ странѣ. Практика русской дѣйствительности блестяще оправдывала мысль автора. Протекціонизмъ Крижанича и меркантилистовъ совершенно непохожи другъ на друга. Охранительные тарифы Крижанича необходимы въ цѣляхъ поднятія туземной промышленности и отнюдь не преслѣдуютъ цѣлей, подобно послѣдователямъ выше названной экономической теоріи. При рекомендаціи охранительной таможенной политики играло нѣкоторую роль и чувство: съ одной стороны, онъ неавидѣлъ нѣмцевъ, безъ которыхъ, однако, русское государство никакъ не могло обойтись, а эти тарифы прекращали торговлю иностранцевъ въ Россіи. Юрій Крижаничъ однако довольно часто замѣчаетъ, что часть товаровъ все таки придется продавать за границей, въ Европѣ, такъ что, при всемъ его стремленіи, ему не удалось съ логическою прямолинейностью доказать свое мнѣніе нѣсколько

не историческое и тѣмъ болѣе удивительное, что оно исходить изъ устъ знатока исторіи.

Всякаго рода монополіи, рекомендуемыя авторомъ, сближаютъ его экономическіе взгляды съ вышеназванной теоріей, но, по существу, и здѣсь замѣтна разница. Меркантилисты считаютъ необходимымъ средствомъ всякаго рода монополіи и компаніи для развитія торговли и государственнаго богатства. Безъ нихъ государство обѣднѣетъ. Крижаничъ въ принципѣ—врагъ всякихъ монополій, указываетъ на массу недостатковъ въ подобной системѣ, чему русская жизнь давала не мало примѣровъ, но въ то же время допускаетъ ее, говоря, что это крайнее средство, пускаемое тогда въ оборотъ, когда государству грозитъ полное экономическое банкротство. Говоря это, авторъ, на нашъ взглядъ, былъ неискренень: практика московской жизни, установившійся традиціонный взглядъ на всякаго рода откупа и монополіи, сочувственное отношеніе къ этому московскаго правительства не дали возможности автору высказать свое собственное мнѣніе. Если бы авторъ писалъ свое сочиненіе въ иной обстановкѣ, если бы имъ руководило только стремленіе къ истинѣ, то окончательный выводъ былъ бы нѣсколько другой: авторъ не оказался-бы сторонникомъ монополій и откуповъ даже въ виду исключительнаго положенія государства.

Далѣе, всѣ тѣ приемы и способы, которые рекомендуются авторомъ для усиленія производительности страны—они не оригинальны и не самостоятельны: въ этомъ случаѣ авторъ раздѣлялъ убѣжденія вѣка.

Такимъ образомъ, хотя можно отмѣтить нѣкоторое сходство между взглядами Крижанича и представителями господствующей теоріи, тѣмъ не менѣе его считать чистымъ меркантилистомъ нельзя. Отношеніе автора къ земледѣлію сближаетъ его съ физиократами, какъ и отрицаніе въ

привидиѣ, всякаго рода монополіи, откуповъ, но, обращая вниманіе и на другіе факторы экономической жизни, придавая имъ большое значеніе, авторъ разошелся съ физиократами. Я бы поэтому назвалъ его теорію „*навязаннымъ меркантилизмомъ, въ которой довольно ясно были видны идеи будущиѣхъ физиократовъ и отчасти Адама Смита*“. Эта оригинальность и самостоятельность мышленія даетъ возможность считать Крижанича весьма виднымъ экономистомъ, опередившимъ свое время: для этого времени заявленіе Крижанича о *богатствѣ народа* являлось пустымъ словомъ. Чѣмъ болѣе обеспечено имущество каждаго граждаина и чѣмъ свободнѣе можетъ развиваться хозяйственная дѣятельность народа, тѣмъ скорѣе будетъ увеличиваться населеніе, а слѣдовательно, и богатство государства.

«Людодерство», грабежъ правительства приносятъ больше вреда, чѣмъ войны и повальные болѣзни. Слѣдуетъ отмѣтить что увеличеніе численности народонаселенія Крижаничъ ставитъ въ зависимость отъ экономического благосостоянія всего государства. Для полноты его экономическихъ взглядовъ не мѣшаетъ помнить требованіе Крижанича, чтобы всѣ, безъ исключенія принимали участіе въ производствѣ мѣновыхъ цѣнностей.

Таковъ нашъ взглядъ на Юрія Крижанича, какъ экономиста.

Что же касается его взглядовъ въ практическомъ отношеніи по отношенію къ Московскому государству, то, за немногими исключеніями, въ данную минуту они являлись непримѣнимыми.

Крижаничъ замѣчательный теоретикъ, но плохой практикъ и, кромѣ того, онъ имѣлъ весьма слабое понятіе объ историческихъ условіяхъ жизни русскаго народа. Только

этимъ и можно объяснить его вѣру въ всеяльную власть Московскаго самодержавія.

Историческій опытъ не выработалъ въ авторѣ убѣжденія, что «умы» менѣе всего легко подчиняются указу и закону, что постройка зданія безъ фундамента является химерой, мечтой разстроенаго воображенія. Въ этомъ случаѣ Петръ Великій является идейнымъ послѣдователемъ Юрія Крижанича. Достаточно вспомнить его вѣру въ могущество указа и приказанія свыше и тѣ мѣры, которыя примѣнялись Петромъ Великимъ для поднятія экономической производительности страны съ цѣлью увеличенія ресурсовъ государства. Но, какъ одинъ, такъ и другой, совершенно не знали той дѣйствительности, для которой они оба работали. Это—оба гениальные теоретики.

Экономическое состояніе Московскаго государства въ XVII вѣкѣ авторъ описалъ очень подробно и точно. Авторъ касается даже такихъ мелочей, которыя могли бы ускользнуть отъ посторонняго взора. Авторъ, не стѣсняясь, критикуетъ, и его критика, мѣстами очень рѣзкая, переходитъ въ критику Московскаго правительства.

Авторъ себя сдерживаетъ, пускаетъ въ ходъ весь свой критическій умъ и совершенно расшатываетъ весь существующій государственный, правовой и экономическій строй.

Крижаничъ могъ подвергать все критикѣ: она не могла никого оскорбить, вѣдь всѣ эти недостатки исправить самодержавная власть—тѣмъ болѣе ей почета, разъ ей придется возстановлять расшатанное государство и дѣйствовать среди такой неблагопріятной обстановки.

Если взять описанія иностранцами Россіи въ это время, напр. Омарія, то работа Крижанича будетъ наиболѣе точнымъ и яснымъ изображеніемъ внутренняго состоянія Московскаго государства. Я уже не говорю, что Котошихинъ и

его работа значительно уже работы Крижанича. Работа Котошихина—это копированіе русской дѣйствительности; отсутствіе образованія и широкаго умственнаго кругозора не позволили подъячому иначе отнестись къ современной ему дѣйствительности. Описанія Крижанича—это работа творческаго ума. Поэтому, при изученіи XVII вѣка, сочиненія нашего автора должны занять видное мѣсто.

Продуктивности творческой работы Крижанича несомнѣнно много мѣшало незнаніе историческихъ судеб Московскаго государства. Только однимъ этимъ и можно объяснить нѣкоторыя совершенно не историческія его мнѣнія.

Авторъ—большой знатокъ всемірной исторіи и жизни современной ему Европы, и несмотря на всю свою ненависть къ Западу, Крижаничъ былъ обязанъ признать превосходство Запада надъ славянами вообще и въ частности надъ русскими. Послѣднее и заставляло автора мечтать о томъ, чтобы положительныя начала западно-европейской жизни поскорѣе стали достояніемъ всего славянства. Это, въ всякаго сомнѣнія, оказывало давленіе на его мышленіе и принуждало относиться пренебрежительно къ историческимъ судьбамъ русскаго народа, хотя и безъ того онѣ ему были мало знакомы.

Незнаніе прошлаго и пониманіе настоящаго можно отмѣтить во всѣхъ мѣстахъ его «*Политичныхъ Думъ*», поэтому часто его взгляды являются простыми теоретическими разсужденіями, неприложимыми практически. Приходится отмѣтить, что взгляды Юрія Крижанича результатъ теоретической работы мысли.

Говоря о состояніи земледѣлія въ Московскомъ государствѣ, Крижаничъ объясняетъ плохое его состояніе особенной психологіей славянства въ частности русскихъ. Подобное объясненіе нельзя не признать слабымъ, и для автора,

подтверждающаго свои мнѣнія историческими примѣрами, взятыми изъ жизни народовъ, является удивительнымъ.

Крижаничъ, конечно, правъ, указывая на слабое развитіе земледѣлія и на плохую обработку земли, но причины этого были нѣсколько иныя.

Современныя работы по экономикѣ сельскаго хозяйства подтверждаютъ документальными данными отрицательное вліяніе «*великой разрухи*» на увеличеніе площади запашки и на повышеніе сельскохозяйственной техники. Авторъ работы о «сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси въ XVI вѣкѣ» доказалъ пониженіе сельскохозяйственной техники и это мнѣніе теперь, кажется, не вызываетъ никакихъ споровъ. Однимъ изъ главныхъ послѣдствій смуты была ненормальная разверстка податей, что заставляло население бѣжать по-дальше въ степь; количество рабочихъ рукъ постепенно уменьшалось, а это отразилось на сокращеніи площади запашки. Да внѣшняя политика въ XVII вѣкѣ вліяла мало-благопріятно на развитіе земледѣлія. Далѣе, его замѣчанія о переводѣ книгъ на русскій языкъ не имѣютъ по отношенію къ Московскому государству рѣшительно никакого значенія. Это слишкомъ отвлеченное соображеніе противорѣчитъ некультурности тогдашняго общества, а переведенныя книги лежали бы безъ употребленія. Дѣло Петра Великаго служить лучшимъ доказательствомъ этого. Авторъ не подмѣтилъ, что рѣчь должна идти не о сельскохозяйственныхъ книгахъ, а о приведеніи въ порядокъ внутренняго состоянія Московскаго государства. Я не буду касаться другихъ мѣръ, предлагаемыхъ Крижаничемъ для поднятія земледѣлія и сельскохозяйственной техники; всѣ онѣ рекомендовались Петромъ Великимъ. Крижаничу не удалось подмѣтить, что подать, падавшая на землю, тормазила развитіе земледѣлія; впрочемъ, авторъ заявляетъ о необходимости измѣнить финансовую политику

Московского государства. Если мы будем разсматривать другія мѣры, предлагаемыя авторомъ для развитія другихъ факторовъ народнаго хозяйства съ цѣлью поднять экономическую производительность страны, то въ нихъ тоже больше видно работы отвлеченной мысли, и въ данную минуту онѣ являлись неприложимыми на практикѣ.

Впрочемъ слѣдуетъ отмѣтить, что Крижаничъ, настаивая на дарованіи посадскимъ самоуправленія, является не новичкомъ для насъ: достаточно вспомнить дѣятельность въ Псковѣ Ордина-Нащокина (Солов. XIII, 123).

Петръ Великій шелъ по такому же пути, что и Крижаничъ.

Вся экономическая жизнь страны подвергалась самой детальной регламентаціи, переходившей часто въ деспотизмъ, и мѣры, предлагаемыя Петромъ, были тождественны съ мѣрами Крижанича. Совпаденіе понятно: оба находились въ выучкѣ у Запада. Первый, ненавидя его, рекомендовалъ эти мѣры, второй—любя, но оба теоретика не считали нужнымъ считаться съ психологіей русскаго народа въ эту эпоху. Поэтому теоретическая работа Крижанича прошла безслѣдно, какъ дѣятельность Петра, непонятная народу, вызывала всякаго рода протесты и волненія.

Не менѣе интереснымъ является Юрій Крижаничъ, какъ финансистъ, но это требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Вл. Пичета.

Мая 14 дня 1905 года